

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

НОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРЕДГОРНО-РАВНИННОЙ ЧАСТИ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ КАК МАРКЕРЫ КОНТАКТОВ АВТОХТОННОГО НАСЕЛЕНИЯ И ПЛЕМЕН КИММЕРИЙСКО-СКИФСКОГО КУЛЬТУРНОГО КРУГА

В.Т. Чшиев

Институт истории и археологи Республики Северная Осетия – Алания
ул. Ватутина, 46, Владикавказ, Россия, 362025

В статье рассматриваются контакты кавказских племен – носителей кобанской археологической культуры и населения Северного Причерноморья и Предкавказья в эпоху раннего железа, отразившиеся в ряде элементов материальной культуры. На примере материалов кобанских памятников предгорно-равнинной части Северной Осетии, преимущественно полученных из могильников, раскопанных и исследованных автором статьи (узды, массивные бляхи, овальные застёжки степного типа, втульчатые наконечники стрел, орнаментация бронзовых бляшек четырехлучевой «киммерийской» звездой, керамический кубок и др.), прослеживаются определенные связи между древними автохтонами региона и племенами киммерийско-скифского культурного круга, а также населением Поднепровья.

Такие категории материальной культуры древних «кобанцев», как комплекты бронзовой конской узды местного типа (двукольчатые удила с разнообразными литыми псалями, однокольчатые удила снабженные S-видными псалями), бронзовые кованные ситуды и кружки, украшенные зооморфными ручками, керамические сосуды (некоторые типы корчаг и кружек), на раннем этапе этого взаимодействия в достаточно массовом количестве проникают в скифо-киммерийскую среду. Вероятно, этим объясняются близкие формы, а в некоторых случаях и полные аналогии кобанской керамике из Змейского, Среднеурухского, Комсомольского поселений, Эльхотовского, Николаевского, Заманкульского, Комаровского, Моздокского могильников, найденные в скифских памятниках днепровского правобережья и Побужья, Бельского городища, киммерийских и савроматских захоронениях.

На втором этапе наблюдается в определенной степени обратный процесс, когда племена – носители кобанской культуры начинают изготавливать и пользоваться стрелами степного типа, оформляют узду и оружие в скифском стиле.

Ключевые слова: история Северного Кавказа VIII–VI вв. до н.э., кобанская археологическая культура, контакты северокавказских племен и населения Степи в эпоху раннего железа

Вопросы взаимодействия, степени влияния или взаимовлияния, характера связей, существовавших между племенами киммерийско-скифского культурного круга и местным кавказским населением, остаются весьма актуальными для изучения древней истории Северного Кавказа.

Рассматриваемые нами контакты двух этнокультурных континуумов относятся хронологически к эпохе раннежелезного века. Территориально контактная зона племен киммерийско-скифского культурного круга и местных кавказских кобанских племен, охватывает северные и северо-западные границы северной группы памятников центрального варианта кобанской археологической культуры. Предгорья и равнинная зона Северной Осетии являются частью района как долговременных контактов двух этих этнокультурных массивов (соседство, меновой обмен, и др.), так и кратковременных – перемещение военных отрядов степняков через перевалы Главного Кавказского хребта.

Наиболее ранние представители степного ираноязычного мира известны истории под названием «Киммерийцы». Как считается, первое упоминание этого имени мы встречаем в эпической поэме Гомера «Одиссея» [1], создание которой, по мнению большинства исследователей, относится к VIII в. до н.э. В конце VIII и в VII веках до н.э. имя киммерийцев встречается в Ассирийских и Урартских клинописных хрониках, в качестве описания опасного военного противника, вторгшегося с севера в пределы Передней Азии. Позднее это имя встречается уже у таких известных авторов античности, как Геродот, Каллимах, Страбон и др. Наиболее развернуто описывает народ киммерийцев и скифов в эту эпоху «Отец истории» – Геродот (V в. до н.э.) [2]. Известно также упоминание о киммерийцах под именем Гамер как об беспощадных завоевателей в Библии. Несколько позже становится известным истории и имя скифов, также преимущественно благодаря переднеазиатским и греческим письменным источникам. Как и киммерийцы, в письменных источниках скифы упоминаются как завоевательный народ, продвинувшийся в пределы Передней Азии и Ближнего Востока, вплоть до Египта, и принимавший активное участие в исторических судьбах народов этих регионов в VIII–VII вв. до н.э.

Исследователями установлено, что зафиксированные древней письменной исторической традицией продвижения киммерийцев и родственных им скифов на юг шло из районов, примыкающих с севера и северо-запада к Кавказу. Также установлено, что в VII в. до н.э. эти перемещения происходили через кавказские перевалы. Т.о., в VIII–VII вв. до н.э. массив киммерийско-скифских племен оказывается в непосредственной близости от занимавших в то время предгорья Центрального Предкавказья, и в частности предгорные и равнинные районы Северной Осетии, племен кобанской археологической культуры. Каковы же материальные свидетельства этого соседства?

Наиболее ранние контакты между местными кобанскими племенами и продвинувшимся в Предкавказье в эпоху раннего железного века скифо-киммерийским племенным массивом на территории Северной Осетии могут быть прослежены на примере археологических материалов Эльхотовского и Николаевского могильников, а также Змейского, Николаевского и Среднеурухского поселений. Несколько позднее – в 6–5 вв. до н.э. – по материалам кобанских памятников Моздокского р-на республики. Все эти археологические памятники расположены в предгорной зоне РСО–Алания, в районе невысокого Кабардино-Сунженского хребта, ограничивающего с севера Владикавказскую наклонную равнину, и в районах, примыкающих к Терскому хребту.

Многие известные на территории Северной Осетии памятники кобанской культуры предскифского – скифского времени (Эльхотовский, Николаевский, Заманкульский, Моздокский могильники, Комсомольское, Среднеурухское, Николаевское, Эльхоткомское, Моздокское поселения) еще не изучены в достаточной степени, однако часть их материалов постепенно вводится в научный оборот.

В 2005 г. при раскопках Эльхотовского могильника кобанской культуры (погребение № 85) нами были найдены два полых роговых псалия с двумя круглыми отверстиями в одной плоскости. Расширенные концы псалиев имеют выемку по периметру рога, что, на наш взгляд, связано с креплением в этом месте одного из ремней уздечки, скорее всего идущего на носовую часть лошади. Вероятно, этим объясняется и то, что псалии снабжены только двумя сквозными отверстиями (рис. 1, 4–5). В захоронении присутствовали также наконечник железного копья с длинной раскрытой втулкой и вытянуто-лавролистным пером, железный нож с горбатой спинкой, четыре керамических сосуда (лощенные корчага и кружки).

Недалеко от псалий были найдены два бронзовых колечка и две полусферические в сечении бронзовые бляшки с прорезным орнаментом в виде четырехконечной розетки и петлями на внутренней стороне, характерные для комплексов новочеркасского времени (рис. 1, 13–14). Четыре последних предмета, на наш взгляд, имеют непосредственное отношение к уздечке, где четырехлепестковые бляшки с петлями, вероятно, располагались на нащечном ремне. Отсутствие удил в погребении, на наш взгляд, можно объяснить тем, что они были изготовлены из менее долговечных материалов (кожаные). Возможно также, что они были изготовлены из металла, но, являясь весьма ценным предметом, не были положены в могилу.

Также, как нам представляется, расширенная полая часть псалиев имела в древности навершие – вставку, изготовленную из дерева, возможно – зооморфную. Последняя, на наш взгляд, не сохранилась, так как все деревянные вещи на данном памятнике в результате особенностей грунта разлагаются почти без следа.

В целом погребальный инвентарь рассматриваемого захоронения № 85 Эльхотовского могильника укладывается во временные рамки середины-конца VIII в. до н.э. и относится к категории предметов, характерных для раннескифской культурной традиции. Подобные роговые псалии считаются предметами, имеющими «степной образ», и характерны для памятников степных племен киммерийско-скифского культурного круга VIII–VII вв. до н.э. [3].

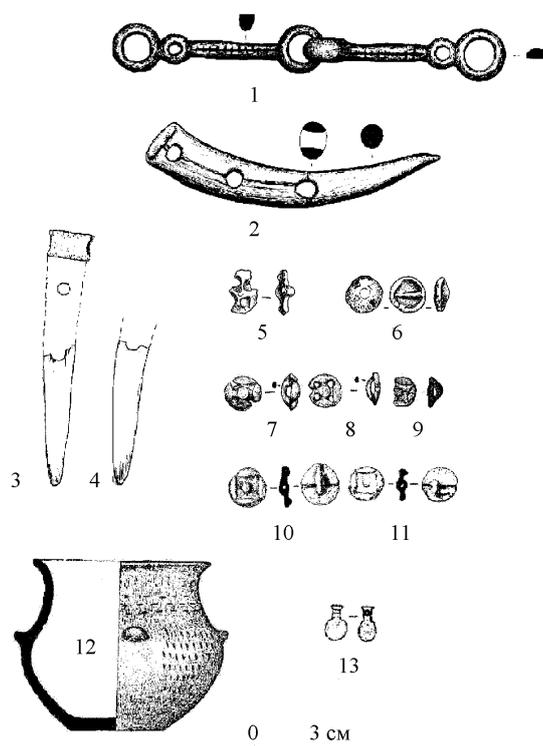

Рис. 1.: 1, 6–11 – бронза; 5 – сурьма; 12 – керамика; 13 – кость

Еще один уздечный набор был найден в Эльхотовском могильнике в погребении № 60. Комплект состоял из бронзовых литых двукольчатых удил с рифлением двурядно-прямоугольного типа на мундштучной части и также роговых полых трехдырчатых псалий, изготовленных из отверший рогов оленя.

На наш взгляд, роговые полые псалии данного уздечного набора тяготеют к степным «киммерийским» образцам.

В то же время сами бронзовые двукольчатые удила из этого комплекта представляются нам продукцией местной, кобанской индустрии.

В целом необходимо отметить, что лошадь занимала довольно важное место в хозяйстве, военном деле и идеологии кобанских племен. На территории Северной и Южной Осетии в памятниках кобанской культуры обнаружено более 60 предметов от разнообразных типов конской сбруи (Змейская, Фаскау, Верхний Кобан, Донифарс, Комарово, Тли, Ленингори, Эльхо-

тово, Адайдон и др.). При этом, как отмечает В.И. Козенкова, «большая часть узды происходит с «...территории Северной Осетии» [4. С. 59].

В предскифское-раннескифское время (IX – начало VII в. до н.э.) в материалах кобанской культуры известно большое количество разнообразных комплектов строгой узды для верховой лошади (рис. 2, 1–17). Только из погребений Верхнекобанского могильника происходят 15 наборов разных типов. В материалах культуры известны однокольчатые и двухкольчатые бронзовые удила с разнообразным рифлением грызла, удила с оформлением концов в виде стремени, с овальными кольцами на концах удил и пр. Также многочисленны костяные, роговые и особенно бронзовые псалии, использовавшиеся для жесткой узды.

Из Верхнекобанского могильника происходят прекрасные комплекты удил, сочетающихся с бронзовыми псалиями, которые отлиты вместе в сложных литейных формах. Особенно примечательны удила с псалиями, концы которых оформлены в виде голов лошадей, в виде загнутого рога или когтя, трубчатые псалии с шляпковидными головками на концах. В этот период «...отчетливо видно знакомство всадников Кобани практически со всеми видами конского снаряжения IX – начала VII вв. до н.э., известными в Передней Азии, Северном Причерноморье, Средней Европе и Западном Средиземноморье (Аппенины)» [4. С. 61].

В целом, конский комплект бронзовой узды так называемого «Новочеркасского типа», вероятно, складывается «в сфере кобанской культурно-исторической области» и был не только заимствован у кобанцев и модифицирован киммерийцами и скифами, но и посредством мобильности последних был занесен и передан другим племенам, часто значительно отдаленным от Кавказа (Украина, Венгрия, Австрия и другие современные регионы Восточной и Центральной Европы) [5].

В конце VII–VI вв. до н.э. кобанская узда, изготавливаемая теперь часто из железа, уже не обнаруживает такого разнообразия, как в предшествующее время. Теперь уже под влиянием обратного импульса со стороны племен скифо-сарматского культурного круга происходит известная унификация узды, сопровождающаяся копированием многих «модных» образцов степного мира.

Одновременно с изменением формы происходит и заимствование некоторых степных орнаментальных мотивов, зооморфного оформления псалий и т.д.

Мощные металлургические центры кобанской культуры достаточно быстро сориентировались в условиях новой «степной» конъюнктуры и освоили массовое производство новых типов узды не только для своих нужд, но и для экспорта. «С конца VII в. до н.э. и на долгое время в конском снаряжении центрального варианта, в особенности в северо-кавказской группе... представлены практически все разновидности удил и псалиев скифо-савроматского облика» [4. С. 61]. Этому периоду в материальной культуре двух рассматриваемых этнокультурных компонентов присущ уже синкретический характер,

в первую очередь в предметах вооружения, costume. Такие, имеющие уже степной облик удила и псалии, были найдены в равнинном Моздокском районе Северной Осетии в погребениях Комаровского могильника (рис. 13, 15).

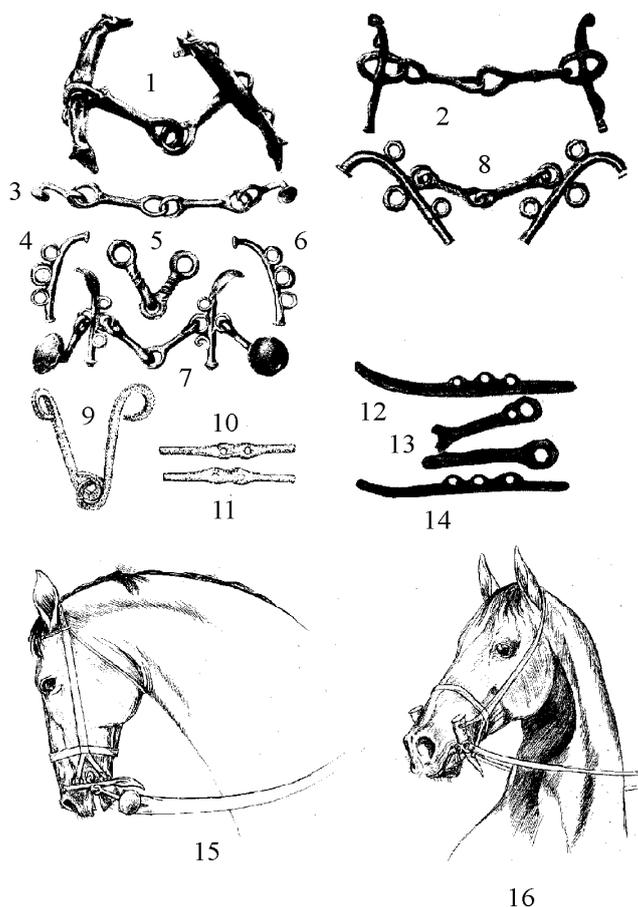

Рис. 2.: 1–14 – бронза; 15–16 – реконструкция В.[Х.]Т. Чшиева, художник Б.Г. Цогоев

Интересной особенностью Эльхотовского могильника является также большое количество разнообразных блях с петлей на обратной стороне, больших и малых, конических и полуовальных, наконечников – обоймиц и ворворок, которые обычно трактуются как принадлежность конской сбруи. Аналогичные предметы в большом количестве найдены в комплексах «киммерийского» облика Прикубанья и Северо-Западного Кавказа, Северного Причерноморья, что свидетельствует о контактах двух этих регионов с населением, оставившим Эльхотовский могильник. Так, к примеру, в погребениях Эльхотовского могильника были найдены полусферические бронзовые бляхи, орнаментированные так называемой «киммерийской звездой», – четырехлучевой звездочкой, вписанной в круг (рис. 1, 13–17). Данные предметы и подобная вышеописанной орнаментация считаются исследователями индикатором

тором киммерийской – раннескифской культуры Северного Причерноморья и северного Предкавказья [6]. Такие же бронзовые бляшки с «киммерийской звездой» были обнаружены нами при раскопках еще одного памятника контактной зоны Северной Осетии – Николаевского могильника кобанской культуры (рис. 1, 11–12).

В 2004 г. в комплексе погребения № 80 Эльхотовского могильника нами был найден керамический кубок, украшенный четырьмя налестами и «семечковидным» орнаментом (рис. 1, 12). Кубок является единственным экземпляром этой категории посуды, найденной в материалах могильника. Подобные сосуды в небольшом количестве имеются в материалах Верхнекобанского могильника северной группы центрального варианта культуры [4. С. 46, рис. 17, 2, 6]. Датируется данный тип керамических кубков В.И. Козенковой в рамках 9 – начала 7 вв. до н.э. [7]. На территории восточного варианта кобанской культуры они не известны. Значительно большее количество их (тип е – по классификации В.И. Козенковой) – 33 целые формы – известно в материалах западного варианта культуры.

В то же время в памятниках Степи и Лесостепи Северного Причерноморья в конце 2 – начале 1 тыс. до н.э., и в большей степени в предскифский («киммерийский») период, кубки данного типа представлены весьма широко [8]. Так, кубки из погребения 13 кургана у с. Головковка и сосуды чернолесской культуры, кроме аналогичной эльхотовскому формы, украшены такими же четырьмя налестами «по плечикам». «Семечковидный» (ногтевой) орнамент нашего сосуда типичен для посуды памятников западного варианта кобанской культуры, в то время как форма сосуда, вероятно, является дериватом прототипов культур Северного Причерноморья или Поднепровья. На наш взгляд, эта форма – глубокие изящные кубки, украшенные налестным орнаментом по плечикам (с чуть приостренными концами налестов), могла быть занесена в местную кавказскую культуру в результате контактов последней с племенами Северного Причерноморья и Приднепровья. В таком случае становится понятным отсутствие этих форм в памятниках восточного варианта, наиболее отдаленного географически; незначительное количество их в ареале центрального варианта и преобладающее – на территории западного варианта, наиболее близкого территориально к Северному Причерноморью.

Из женского погребения № 77 Эльхотовского могильника происходит шаровидная (каплевидная) костяная привеска с цилиндрическим выступом, снабженным отверстием (рис. 1, 13). На Северном Кавказе одна аналогия известна из Майртурского могильника восточного варианта и датируется В.Б. Виноградовым и С.Л. Дударевым XI–X вв. до н.э. [9]. В то же время привески этого типа являются эпонимным предметом для белозерских древностей (т.н. каплевидные привески) [10].

То, что прямые экономические связи между племенами кобанской культуры и Лесостепным регионом Северного Причерноморья и Подунавьем вполне возможны, показывают предметы из клада, найденного в 1984 г. близ

ст. Упорной Краснодарского края. В перечне находок этого клада присутствуют бронзовые кельты, наконечник копья с прорезями в лопасти пера, топор-секира «крендорфского» типа и бляха умбон с выступом в центре. Наконечник копья и кельты являются импортами белозерского этапа срубной культуры, а секира и бляха-умбон типичны для культуры поздней бронзы бассейна Дуная Средней Европы [11].

В свою очередь, богатые и разнообразные традиции керамического кобанского производства, включающие зеркальное лощение, искусную орнаментацию и т.д., способствовали импорту кобанской керамики в среду племен киммерийско-скифского культурного круга. Так, корчаги, кружки, кувшины и кубки типов, характерных для кобанской культуры, и в частности тех типов, что имеют аналогии в предгорных памятниках Северной Осетии рассматриваемого периода [12], имеют дериваты в киммерийских и скифских памятниках. Аналогии кобанской керамике из Змейского, Среднеурухского, Комсомольского поселений, Эльхотовского, Николаевского, Заманкульского, Комаровского, Моздокского могильников находятся в скифских памятниках днепровского правобережья и Побужья, Бельского городища, савроматских захоронениях [13], большого числа киммерийских памятников [14].

Т.о., на примере материалов кобанских памятников предгорно-равнинной части Северной Осетии (узды, массивные бляхи, овальные застезки степного типа, втульчатые наконечники стрел, орнаментация бронзовых бляшек четырехлучевой «киммерийской» звездой, керамический кубок и др.), прослеживаются определенные связи между древними автохтонами региона и племенами киммерийско-скифского культурного круга, а также населением Поднепровья.

На раннем этапе этого взаимодействия мы видим, что такие кобанские категории материальной культуры, как комплекты бронзовой конской узды местного типа, бронзовые и керамические сосуды, в достаточно массовом количестве проникают в скифо-киммерийскую среду. На втором этапе, на наш взгляд, наблюдается в определенной степени, обратный процесс, когда кобанцы начинают изготавливать и пользоваться стрелами степного типа, оформляют узду и оружие в скифском стиле. Широкое распространение в этот период в среде кобанских племен получают короткие железные мечи скифского типа – акинаки.

Таким образом, для рассматриваемого нами периода (киммерийское, раннескифское время) мы видим определенный культурно-экономический симбиоз степняков и горцев, одним из важных факторов которого, безусловно, выступает торговый обмен. Не случайно в этот период в скифских памятниках встречаются предметы кобанского типа – в первую очередь керамика и бронзовые сосуды престижных типов (бронзовых ситул, бронзовых кружек с зооморфными ручками и т.д.). Ярким примером этого процесса выступает

находка типичного кобанского бронзового сосуда в кургане у с. Квитки в Поросье [15]. В более поздний период, в середине – второй половине VII до н.э. ситуация и в контактной зоне и в политике взаимоотношений двух рассматриваемых этнокультурных сообществ меняется, сдвигаются границы расселения племен и, вероятно, в результате военных действий между ними затухает жизнь на некоторой части кобанских поселений [16].

© Чшиев В.Т., 2016

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Гомер. Одиссея. Перевод В.А. Жуковского. М., 1967. XI, 12–19.
- [2] Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. 1 // Приложение к журналу «Петербургский Археологический Вестник», вып. 3 XXI. СПб., 1992. С. 66–67, 73–75, 77–81.
- [3] Граков Б.Н. Скифы. Издательство МГУ. М., 1971. С. 159; Смирнов К.Ф. Савроматы. М., «Наука». 1994. С. 294, рис. 2, 3 а.
- [4] Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.
- [5] Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, АГПИ, 1999. С. 170.
- [6] Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. М.: Палеограф, 2001. С. 127, рис. 58, 7–8; с. 177, рис. 84, 4; с. 211, рис. 102, 26, 28; Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005. С. 51, рис. 19; с. 85, рис. 29, 15–17.
- [7] Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ / Ред Б.А. Рыбаков. Вып. В 2–5. Т. 5. М.: ИА РАН, 1998. С. 100.
- [8] Граков Б.Н. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 180, рис. 128, 4–5; с. 191, рис. 137, 5; Мелюкова А.И. Скифия и Фракийский мир. М.: Наука, 1979. С. 50, рис. 13, 9, 11; с. 54, рис. 16, 14; с. 66, рис. 22, 2; Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Изд-во Шлях, 2005. С. 114, рис. 41, 3; с. 115, рис. 42, 1, 6.
- [9] Виноградов В.Б., Дударев С.Л. Могильники позднего бронзового века у села Майртуп в Чечне // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Ред. С.Л. Дударев. Армавир: Центр археологических исследований АГПУ. Вып. 1. 2003. С. 19, рис. 25.
- [10] Кубышев А.И., Черняков И.Т. Грунтовый могильник белозерской культуры у сел. Чернянка (Херсонской области) // СА / Отв. секретарь В.И. Козенкова. Москва: Изд-во АН СССР, 1986. № 3. С. 152–155, рис. 7, 27, 8, 12; Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир: (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). Москва: ТАУС, 2013. С. 37, рис. 16, 24.
- [11] Аптекарев А.З., Козенкова В.И. Клад из Упорной и новые данные о контактах культур Северного Кавказа и Центральной Европы в конце II тыс. до н. // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Владикавказ / Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кав-

- каза. Крупновские чтения: 1971–2006 / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Вып. VIII. С. 121–136; Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. С. 121, рис. 45, 1–3, 5).
- [12] Чшиев В.[Х.]Т. Памятники кобанской культуры Северной Осетии // Археология Северной Осетии / Отв. ред. А.А.Туаллагов. Владикавказ: Издательство СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2007. Т. 1. С. 283–285.
- [13] Граков Б.Н. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 125, 157; Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984. С. 352, рис. 60, 1–2, 4–6, 12, 14.
- [14] Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М.,: «Наука», 1979. С. 63, рис. 20; с. 57, рис. 17, 1–5, 7; с. 67, рис. 22, 1–3; Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Изд-во Шлях, 2005. С. 91, рис. 35, 4–5, 8, с. 93, рис. 37, 5, 11, с. 117, рис. 44, 2, 10, 15 с. 149, рис. 52, 2, с. 140, рис. 73, 43, с. 157, рис. 60, 5, 7, с. 196, рис. 99, 2–3, с. 210, рис. 113, 2; Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. М.: Палеограф, 2001. С. 127, рис. 58, 7–8; с. 177, рис. 84, 4; с. 211, рис. 102, 26, 28.
- [15] Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. М.: Палеограф, 2001. С. 217, рис. 106, 47.
- [16] Туаллагов А.А. Северный Кавказ. От скифов до ранних алан (историко-археологические очерки). Владикавказ, 2007. С. 36–37.

REFERENCES

- [1] Gomer. *Odyssey*. Pervod V.A. Zhukovskogo [Odyssey. Translated By V.A. Zhukovsky]. M., 1967. XI, 12–19.
- [2] Latyshev V.V. *Izvestiya drevnikh pisatelei o Skifii i Kavkaze* [Of the ancient writers about Scythia and Caucasus]. SPb., 1992. P. 66–67, 73–75, 77–81.
- [3] Grakov B.N. *Skify* [Scythians]. M., 1971. P. 159; Smirnov K.F. *Savromaty* [Sauromats]. M., 1994. P. 294, F. 2, 3 a.
- [4] Kozenkova V.I. *Kul'turno-istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdnei bronzy i v rannem zheleznom veke (uzlovye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya kobanskoi kul'tury)*. [Cultural-historical processes in the North Caucasus in the late bronze age and early iron age (Central problems of the origin and development of the Koban culture).] M., 1996.
- [5] Dudarev S.L. *Vzaimootnosheniya plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Yugo-Vostochnoi Evropy v predskifskuyu epokhu*. [The relationship of the tribes of the North Caucasus nomads of South-Eastern Europe in the pre-Scythian epoch]. Armavir, AGPI, 1999. P. 170.
- [6] Ivanchik A.I. *Kimmeriitsy i skify* [The Cimmerians and the Scythians]. M., 2001. P. 127, F. 58, 7–8; P. 177, F. 84, 4; s. 211, F. 102, 26, 28; Makhortykh S.V. *Kimmeriitsy Severnogo Prichernomor'ya* [The Cimmerians Of The Northern Black Sea]. Kiev, 2005. P. 51, F. 19; P. 85, S. 29, 15–17.
- [7] Kozenkova V.I. *Material'naya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyi variant* // SAI / Red B.A. Rybakov. V. 5 [The material basis of life kobans tribes. Western Variant]. M., IA RAN, 1998. P. 100.

- [8] Grakov B.N. Rannii zheleznyi vek (kul'tury Zapadnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy). [Early iron age (culture of the Western and South-Eastern Europe)]. M., 1977. P. 180, F. 128, 4–5; P. 191, F. 137, 5; Melyukova A.I. Skifiya i Frakiiskii mir [Scythia and the Thracian world]. M., 1979. S. 50, F. 13, 9, 11; s. 54, F. 16, 14; P. 66, F. 22, 2; Makhortykh S.V. Kimmeriitsy Severnogo Prichernomor'ya [The Cimmerians Of The Northern Black Sea]. Kiev, 2005. P. 114, F. 41, 3; P. 115, F. 42, 1, 6.
- [9] Vinogradov V.B., Dudarev S.L. Mogil'niki pozdnego bronzovogo veka u sela Mairtup v Chechne [Burial grounds the late bronze age near the village of Mayrtup in Chechnya]. Armavir, 2003. P. 19, F. 25.
- [10] Kubyshev A.I., Chernyakov I.T. Gruntovyi mogil'nik belozerskoi kul'tury u sel. Chernyanka (Khersonskoi oblasti) [Subterranean burial Belozerskaya culture in the villages Chornianka (Kherson region)]. M., 1986. № 3. P. 152–155; Kozenkova V.I. Kobanskaya kul'tura i okruzhayushchii mir: (vzaimosvyazi, problemy sud'by i sledov raznokul'turnykh infil'tratsii v mestnoi srede) [Koban culture and the environment (relations, problems of fate and traces of multicultural infiltrations in the local environment)]. M., 2013. P. 37.
- [11] Aptekarev, A.Z., Kozenkova, V.I. Klad iz Upornoi i novye dannye o kontaktakh kul'tur Severnogo Kavkaza i Tsentral'noi Evropy v kontse II tys. do n. [A hoard of Upornai and new data on the contacts of the cultures of the Northern Caucasus and Central Europe at the end of the second Millennium BC]. M., 2008. V. VIII. P. 121–136; Kozenkova V.I. Kul'turno-istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdnei bronzy i v rannem zheleznom veke (uzlovye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya kobanskoi kul'tury) [Cultural-historical processes in the North Caucasus in the late bronze age and early iron age (Central problems of the origin and development of the Koban culture)]. M., 1996. P. 121, F. 45, 1–3, 5).
- [12] Chshiev V.[Kh.]T. Pamyatniki kobanskoi kul'tury Severnoi Osetii // Arkheologiya Severnoi Osetii) [The monuments of the Koban culture in North Ossetia // the Archeology of North Ossetia]. Vladikavkaz, 2007. V. 1. P. 283–285.
- [13] Grakov B.N. Rannii zheleznyi vek (kul'tury Zapadnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy) [Early iron age (culture of the Western and South-Eastern Europe)]. M., 1977. P. 125, 157; Smirnov, K.F. Sarmaty i utverzhdenie ikh politicheskogo gospodstva v Skifii. [Sarmatians and establishing their political domination in Scythia] M., 1984. P. 352, F. 60, 1–2, 4–6, 12, 14.
- [14] Melyukova A.I. Skifiya i frakiiskii mir [Scythia and the Thracian world]. M., 1979. P. 63, F. 20; P. 57, F. 17, 1–5, 7; P. 67, F. 22, 1–3; Makhortykh S.V. Kimmeriitsy Severnogo Prichernomor'ya [The Cimmerians Of The Northern Black Sea]. Kiev, 2005. P. 91, F. 35, 4–5, 8, P. 93, F. 37, 5, 11, P. 117, F. 44, 2, 10, 15 P. 149, F. 52, 2, P. 140, F. 73, 43, s. 157, F. 60, 5, 7, P. 196, F. 99, 2-3, P. 210, F. 113, 2; Ivanchik A.I. Kimmeriitsy i skify [The Cimmerians and the Scythians]. M., 2001. P. 127, F. 58, 7–8; P. 177, F. 84, 4; P. 211, F. 102, 26, 28.
- [15] Ivanchik A.I. Kimmeriitsy i skify [The Cimmerians and the Scythians]. M., 2001. P. 217, F. 106, 47.
- [16] Tuallagov A.A. Severnyi Kavkaz. Ot skifov do rannikh alan (istoriko-arkheologicheskie ocherki). [North Caucasus. From the Scythians to the early Alan (historical and archaeological essays)]. Vladikavkaz, 2007. P. 36–37.

**NEW FINDINGS OF MONUMENTS
IN PIEDMONT PLAIN OF NORTH OSSETIA
AS MARKERS OF THE CONTACTS
OF THE INDIGENOUS POPULATION AND THE TRIBES
OF THE CIMMERIAN-SCYTHIAN CULTURAL CIRCLE**

V.T. Chshiyev

Institute of History and Archaeology RNO-Alania
Vatutina St., 46, Vladikavkaz, Russia, 362025

The article deals with the contacts of the Caucasian tribes, the bearers of the Koban archaeological culture and population of the Northern part of Black sea and Transcaucasia in the early Iron age, reflected in the number of elements of material culture.

On the basis of materials Koban culture monuments of the Piedmont part of North Ossetia, mostly derived from burials excavated and studied by the author (rein, massive plates, oval clasps of the steppe type vulgatae arrowheads, the ornamentation of the bronze plaques, four-armed "Cimmerian" star, ceramic Cup, etc.), there are some connections between the ancient autochthonous of the region and the tribes of the Cimmerian-Scythian cultural circle, as well as the population of the Dnieper.

Such material categories of the ancient Koban culture as sets of bronze horse bridle, a local type (two rings bit with various cast bit is found, the bit is provided with one ring prominent bit is found), bronze forged sitoli and mugs decorated with zoomorphic handles, ceramic vessels (some types of pots and mugs), at an early stage of this interaction in sufficiently large quantities to penetrate into the Scythian-Cimmerian environment. Probably, this explains the similar shape, and in some cases, the full analogy of the koban tipe ceramics from villiges Zmeyskaya, Sredniy Uruh, Komsomolskoye, settlements, Elhotovo, Nikolaevskaya, Zhamankul, Komarovo, Mozdok cemeteries found in Scythian burial monuments of the right Bank of the Dnieper and bug, Bielski settlement, Cimmerian and coild graves.

Afterwards, in the second stage began the reverse process. The tribes of Koban culture starting to make and use weapons and bridle of the steppe the Scythian style type.

Key words: history of the North Caucasus of the VIII-VI centuries BC, Koban archaeological culture, contacts of the North Caucasian tribes with steppe settlement in the early Iron Age